

РАЗДЕЛ II. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 341:342 (4/9)

Дерябина Е.М.

Московский государственный областной университет

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Ye. Deryabina

Moscow State Regional University

STANDARDS OF INTERNATIONAL LAW IN RUSSIAN LAW SYSTEM

Аннотация. В статье дан анализ места международных договоров (межгосударственных, межправительственных и межведомственных) в правовой системе России. Международный договор является основным путем интеграции норм международного права в правовую систему России. Также, наряду с международными договорами, важны международные обычаи и основополагающие принципы международного права. В качестве нормативной основы для написания статьи использованы Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Конституция РФ 1993 г., Федеральный закон о международных договорах РФ 1995 г. и др. Автор рассматривает некоторые положения этих документов, представляющих собой основу для заключения международных договоров.

Ключевые слова: международный договор; международный орган; международное договорное право; нормы международного права; межведомственный договор; межправительственный договор; субъекты международного права.

Abstract. The article studies the place of international agreement in Russian law system. The international agreement is the most important way to integrate the standards of international law of the Russian law system. International customs and basic principles of international law are equally important along with international agreement. The research is based on 1969 Vienna Convention, 1993 Constitution of the Russian Federation, 1995 Russian Federation Federal Law on International Agreement etc. The author also considers some statements of the documents which form the basis for international agreements.

Key words: international agreement, international body, international conventional law, standards of international law, interdepartmental agreement, intergovernmental agreement, subjects of international law.

Нормы международного права интегрируются в систему российского права разными путями и в разных формах. Посредством международных принципов, обычаев, судебных решений, но в основном через международные договоры. Хорошо известные теории соотношения

международного и внутригосударственного права — дуалистическая концепция, предполагающая, что внутригосударственное и международное право представляют собой два различных правопорядка, и монистические концепции, утверждающие приоритет одной системы над другой системой, на современном этапе развития общества трансформировались в идею «общего правового поля», существующего в социальном пространстве, в котором взаимодействуют различные правовые системы, различные институты, ставшие основой взаимодействия международного и внутригосударственного права. «Общее правовое поле» предполагает невозможность изолированного развития национального права, оторванного от мирового правового развития» [4].

В современном варианте взаимодействие двух правовых систем базируется на принципе преимущественного значения международного права. Согласно ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» [1]. С учетом положений Венской конвенции Россией был принят Федеральный Закон о международных договорах от 16 июня 1995 г., определивший порядок заключения, выполнения и прекращения Международных договоров РФ независимо от их вида и наименования. Важное значение имеет тот факт, что настоящий Федеральный закон распространяется и на те международные договоры, в которых Россия выступает как государство-продолжатель СССР.

Понятие «государство-продолжатель» сравнительно недавно стало употребляться в международной практике. Гораздо более привычным является понятие «государство-преемник», используемое в случае, например, образования одного государства на месте другого. Между ними должны были бы распределяться права и обязанности уже не существующего государства. В данном конкретном случае правопреемниками СССР стали бы бывшие союзные республики. Од-

нако «правопреемство» не распространяется на членство в международных организациях, то есть Россия не могла бы быть членом ООН, постоянным членом Совета Безопасности ООН (участие в этом органе было закреплено за СССР Уставом ООН в ст. 23 гл.5). Такая ситуация не могла удовлетворить ни Россию, ни мировое сообщество, т. к. нарушала уже сформировавшуюся систему международно-правовых отношений, поэтому и было разработано и введено в практику такое понятие, как «государство-продолжатель».

Международный договор, согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., является «международным соглашением, заключенным между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [2]. Венская конвенция употребляет термин «договор» как родовое понятие, включающее в себя различные наименования договорных актов (пакты, соглашения, декларации, меморандумы и проч.). Классификации этих наименований не существует, но в результате длительного применения некоторые из них закрепились за определенными видами договоров, например уставы — договоры, создающие международные организации; конвенции — договоры, кодифицирующие нормы международного права и др. Понятие «международный договор» в Конституции РФ, Федеральном законе о международных договорах РФ 1995г., ГК РФ также употребляется как родовое понятие. Наименование международного договора не определяет его юридическую силу, хотя может отражать уровень развития отношений между государствами. Также, несмотря на то, что и Венская конвенция, и Закон 1995 г., вслед за ней, определяют договор как документ, заключенный в письменной форме, юридическая сила международных соглашений, заключенных в иной форме, страдать не будет, т. е. положения Закона будут при-

меняться и к некоторым соглашениям в устной форме.

Любой договор имеет согласительную природу, в этом заключается его юридическая сущность, поэтому, если говорить непосредственно о международном договоре, то стороны международного договора также выражают в нем свои волеизъявления, согласованные друг с другом. Конвенция определяет международный договор не только как «международное соглашение», но и как «договорное соглашение», т. к. соглашение между государствами может быть выражено не только в форме договора, но и, например, в форме обычая. Международные обычаи обладают рядом особенностей, например, они занимают особое место и как источники публичного, и как источники частного права. В отличие от международных договоров, обычаи носят неписаный характер. На протяжении длительного времени, благодаря практике, формируется нормативное содержание обычая и его юридическая обязательность, которая позволяет признавать за ним юридическую силу [6, 52—63]. По своему удельному весу обычаи уступают таким источникам права как, например, законодательство или международные договоры, но в ряде случаев они выступают оптимальным правовым регулятором как в международных отношениях между государствами, так и в рамках национального права. Их значение велико в международных расчетных операциях, в международных коммерческих сделках, морских перевозках и т. д. Например, обычаи делового оборота систематизируются в рамках Международной торговой палаты, и часть из них признается на территории России [3].

Существуют различные виды международных договоров, в зависимости от их объектов — политические, экономические, по специальным вопросам, или в зависимости от их субъектов — договоры между государствами и договоры с участием международных организаций. Основное различие между субъектами международного договора заключается в объеме международной до-

говорной правоспособности, т. е. правовой возможности участвовать в процессе создания норм международного права. Универсальной договорной правоспособностью, в силу своего суверенитета, обладает государство. Практически единственным критерием участия конкретного государства в международном договоре является его заинтересованность в объекте самого договора. Это право государства, обусловленное только его волей [10, 144-145]. Государству принадлежит приоритет в сфере политических договоров, тогда как социальные и экономические договоры часто заключаются с участием международных организаций. В международной практике широкое распространение получили межгосударственные соглашения политического характера, на которые не распространяется действие Венской конвенции, что значительно снижает ответственность государств перед мировым сообществом за достигнутые договоренности. Поэтому, согласно определению «международного договора», данному и в Конвенции, и в Законе РФ 1995 г. еще одним важным критерием договора является возможность его регулирования только международным правом.

Согласно нормативным положениям права международных договоров, воплощенных и в ст. 3 Федерального закона о международных договорах 1995 г., договоры заключаются на разных уровнях, однако любой международный договор является результатом согласования воли государств или других субъектов международного права. Россия заключает договоры в лице своих высших органов государственной власти или управления, поэтому договор любого уровня, межгосударственный (от имени Российской Федерации), межправительственный (от имени Правительства РФ) или межведомственный, является договором государства в целом, и именно государство несет ответственность за его надлежащее исполнение. Все договоры, в соответствии с нормами международного права, обладают равной юридической силой. В то же время существует особый порядок взаимодействия российского национально-

го права и договорных норм, установленный ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также ч. 2 ст. 16 и ст. 135. Указанные конституционные нормы признают возможность прямого действия международных договоров РФ в сфере регулирования внутригосударственных отношений, фактически становясь частью национальной правовой системы [11,344]. Их место в иерархии правовых актов и Конституция РФ, и Закон о международных договорах определяют как приоритетное, не считая того положения, которое занимает сама Конституция. Если говорить о соотношении международных договоров РФ и федеральных конституционных законов, то «определенный Конституцией сам предмет таких законов позволяет предположить, что вероятность противоречий между ними является чисто теоретической»; согласно ч. 3 ст. 76 Конституции, федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам [11, 346].

Вопрос о возможных противоречиях международных договоров и внутригосударственных законов и подзаконных актов правовые исследования в этой области предлагают решать следующим образом. Международные договоры РФ, решение о согласии на обязательность которых для РФ приняты в форме федерального закона (межгосударственные договоры), обладают приоритетом в применении по отношению к законам и ко всем подзаконным актам; если решение о согласии на обязательность принято президентом, от имени РФ или правительства (межправительственные договоры), то такие международные договоры обладают приоритетом по отношению к указам и распоряжениям президента и ко всем нижестоящим правовым актам; решение о согласии на обязательность международного договора, принятое правительством, дает приоритет договору перед постановлениями и распоряжениями правительства и актами федеральных органов исполнительной власти; международные договоры межведомственного характера имеют приоритет только перед актами федеральных органов исполнительной

власти, принявших решение о заключении договора [11, 350-355].

Отдельной проблемой является вопрос о международных договорах РФ, затрагивающих полномочия субъекта РФ. Необходимость уточнения порядка заключения международных договоров субъектами Российской Федерации обусловлено федеративной формой государственного устройства РФ, определяющей взаимоотношения центра и субъектов федерации во многих сферах. Что касается международных отношений и международных договоров, в частности, то Конституция РФ (п. «к» ст. 71) относит решение вопросов внешней политики и международные отношения РФ, международные договоры РФ, вопросы войны и мира к ведению Российской Федерации. «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:...координация международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ, выполнение международных договоров РФ» — говорится в п. «0» ст. 72 Конституции РФ. Закон 1995 года, базируясь на конституционных положениях, выделяет два вида международных договоров, затрагивающих полномочия субъектов РФ [7, ст. 71—72]. Пункт 1 ст. 4 в отдельную группу выделяет договоры РФ, затрагивающие вопросы, относящиеся исключительно к ведению субъекта РФ. Такой вид договоров «заключается по согласованию с органами государственной власти заинтересованного субъекта РФ, на которые возложена соответствующая функция» [18]. К другой группе относятся международные договоры, затрагивающие полномочия субъекта РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ. Основные положения или проект такого договора направляются федеральными ведомствами органам государственной власти заинтересованного субъекта. В то же время Закон не дает детальной регламентации порядка взаимодействия государственных органов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, его основная задача — закрепить взаимодействие федеральных

органов и органов государственной власти субъектов РФ в процессе заключения международных договоров, затрагивающих интересы субъектов Российской Федерации.

Положение, занимаемое международными договорами в правовой системе России, определяется Конституцией РФ, Законом 1995 г. и положениями самого договора. В ст.1 регламентирует порядок заключения, выполнения и прекращения международных договоров РФ в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями самого договора, Конституцией РФ и настоящим Законом. В ст. 5 п.п. 1 - 2 фактически воспроизводятся положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в частности в Законе говорится: «Международные договоры РФ наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью ее правовой системы». Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то выполняются правила международного договора. Положения официально опубликованных международных договоров действуют в РФ непосредственно, а положения иных международных договоров РФ осуществляются через принятие соответствующих правовых актов [18].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» к признакам, которые указывают на невозможность непосредственного применения международного договора, можно отнести указание в самом договоре на необходимость внесения изменений во внутреннее законодательство государств—участников [12]. Тот же Пленум сославшись на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 1 и 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах РФ», ч. 2 ст. 7 ГК РФ, определил возможность обращаться к вступившим в силу и обязательным для РФ международным договорам, не требующим издания дополнительных внутригосудар-

ственных актов для их использования при рассмотрении судами, в том числе военными, гражданских, уголовных или административных дел, если международным договором РФ установлены иные материальные или процессуальные нормы, чем законом Российской Федерации, ставшие предметом судебного рассмотрения или регулирующие судебный процесс. Пленум подчеркнул некоторые особенности применения норм Уголовного Кодекса РФ. «Международно—правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма УК РФ прямо указывает на необходимость применения международного договора РФ (например, ст. 335 и 336 УК РФ)» [12].

Фактически Законом о международных договорах закреплено хорошо известное в международном праве деление договорных положений на самоисполнимые и несамоисполнимые. Проблема подобных договоров возникает тогда, когда внутригосударственное право санкционирует применение норм международных договоров для регулирования общественных отношений, сторонами которых могут быть физические или юридические лица. Нормы договора могут называться самоисполнимыми, если они применяются для регулирования соответствующих общественных отношений без создания конкретных внутригосударственных норм. Несамоисполнимые договорные нормы для своей реализации требуют дополнительных норм внутригосударственного права. Советский ученый—юрист Мюллерсон Р.А. неоднократно отмечал, что говорить о самоисполнимых или несамоисполнимых нормах можно, если речь идет об урегулировании внутригосударственных отношений, или международных отношений, но не межгосударственного характера. «Лишь в этом случае исполнение положений договора требует их «переадресовки» субъектам внутригосударственного права, лишь здесь может возникать проблема: применимо то или иное правило без изменения своего нормативного содержания....» [1, 138]. Таким образом, не-

самоисполнимые нормы характерны в основном для области международного частного права, где государство само устанавливает права и обязанности субъектов национального права.

Соотношение договора и изданного для его осуществления правового акта регламентируется п. 3 ст. 5 Закона. В свете проблематики данной статьи предполагается, что правоприменитель обращается непосредственно к положениям международного договора лишь в случае очевидного расхождения между ними и правовым актом, изданным для его осуществления [2, 9]. В качестве иллюстрации особого внимания заслуживают международные договоры по правам человека. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что «именно в этой сфере международные нормы вторгаются наиболее глубоко в дела, которые до недавнего времени считались исключительно внутренней компетенцией государства» [10,140]. Конституция РФ в ч. 3 ст. 46 предусматривает возможность прямого применения норм международного права «в соответствии с международными договорами Российской Федерации», возможность обращаться «в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [7, ст. 46]. Необходимость применения судами норм международного права возникла после вступления России в Совет Европы и присоединения к Европейской Конвенции (и Протоколов к ней) о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы наделен юрисдикцией систематически контролировать выполнение постановлений Европейского суда по правам человека. Принятые постановления, согласно ч. 1 ст. 46 Конвенции, являются обязательными для всех органов государственной власти, в том числе и для судов [5]. При нарушении Конвенции государство, в том числе и Россия, может быть привлечено к международно-правовой ответственности. Эти положения в настоящее время имеют значительное вли-

яние на развитие национального законодательства России в области процессуального права, и на практическую деятельность судов в гражданском, уголовном или административном судопроизводстве [13, 72—73].

Эффективность норм современного международного права в значительной степени зависит от их соблюдения государствами на международной арене и реализации во внутригосударственных отношениях. Этим проблемам неоднократно уделял внимание Верховный суд РФ, своими разъяснениями призывая суды общей юрисдикции при рассмотрении соответствующих дел учитывать положения, содержащиеся в международных договорах в сфере защиты прав человека и основных свобод. Пленумом Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. в п. 9 разъясняется, что при рассмотрении судами уголовных, гражданских или административных дел применяются те договоры Российской Федерации, которые вступили в силу и стали обязательными для РФ. В постановлении подчеркивается, что неправильное применение судом положений международного договора может стать основанием для отмены или изменения судебного решения. Кроме того, толкование указанного пункта позволяет сделать вывод, что международное право, так же как и национальное, обязательно для применения судами общей юрисдикции [12]. Практика взаимодействия судов РФ и Евросоюза способствует раскрытию важнейших для современного правосудия, и Российского в частности, таких понятий, как гласность, открытость, публичность, доступность правосудия, соблюдение разумных процессуальных сроков. Благодаря единообразному пониманию этих предписаний, для судов общей юрисдикции это обязательные требования при рассмотрении дел.

Роль судебных органов в реализации международных договоров в системе Российского права будет не полной без определения того места, которое занимает Конституционный суд РФ в этом процессе. Статья 34 Закона о международных договорах наделяет Конституционный суд полномочиями раз-

решать дела о не вступивших в силу международных договорах РФ, в этой части Закон и в смысловом, и в текстуальном отношении следует положению п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, наделяющей Конституционный суд функцией предварительного конституционного контроля. Среди российских правоведов неоднозначную оценку получил термин «не вступившие в силу международные договоры РФ», закрепленный этой статьей Конституции. По мнению исследователей, данное понятие отличается неточностью и внутренней противоречивостью, что оказывает определяющее влияние на осуществление функции толкования Конституционным судом международных договоров [9; 11; 16]. Согласно теории международного права, договор, не вступивший в силу, может находиться в разных стадиях заключения, в том числе на уровне согласия на его заключение, которое, в свою очередь, как гласит ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров и п. 6 ст. 1 Федерального закона о международных договорах может выражаться «в подписании; обмене документами, образующими договор; ратификации договора; утверждении договора; принятии договора; применении любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны» [18]. Стадия согласия, например, ратификация многостороннего договора, может продолжаться достаточно длительное время, в этом случае возникает правомерный вопрос о возможности проверки конституционности договора, если он не вступил в силу, но согласие на его обязательность уже есть. Исследователи придерживаются мнения, что в таком случае работает правило, не позволяющее в одностороннем порядке отказаться от согласия на обязательность договора, даже если договор противоречит Конституции, т. к. Венская конвенция о праве международных договоров в ст. 27 запретила ссылаться на положения внутреннего права в случае невыполнения договора, т. е. признание Конституционным Судом не вступившего в силу международного договора неконституционным нарушает нор-

мы международного права. Таким образом, функции Конституционного суда в процессе реализации международных договоров во внутреннем законодательстве ограничены нормами международного права. Конституционный Суд РФ может разрешать дела о несоответствии только тех не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров, согласие на обязательность которых для РФ юридически не удостоверено и не имеет правового значения для других государств, участвующих в договоре.

В материалах Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. отмечается, что при рассмотрении конкретных дел стали чаще применяться не только международные договоры РФ, практика международных судебных органов, но и такие источники международного права, как общепризнанные принципы и нормы международного права. В международной правовой доктрине нет единого мнения относительно понятия общепризнанных принципов и норм международного права. Считается, что российская правовая наука придерживается точки зрения, согласно которой основополагающие принципы права трактуются как широкомасштабные нормы, обладающие высшей юридической силой, и, таким образом, оперирует единым понятием [14]. В наиболее распространенной формулировке основополагающие принципы права трактуются как нормы, обладающие высшей юридической силой. В частности, в материалах Пленума Верховного суда «общепризнанные принципы и нормы международного права — это основополагающие императивные нормы международного права. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать юридически обязательное правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, отклонение от которых не допустимо» [12].

В то же время Конституция РФ предложила разграничить принципы и нормы международного права. Таким образом, сохраняется значительная противоречивость в решении данного вопроса. Кроме того, не

разработанным остается вопрос о классификации основополагающих принципов права, в силу отсутствия единых критериев их классификации [8, 19]. Следствием множества нерешенных проблем этой тематики являются сомнения, нередко звучащие в юридической литературе о необходимости включения в правовую систему страны общепризнанных принципов и норм международного права. Мотивом стали не только означенные выше спорные моменты, но и мнение о том, что первоначально принципы предназначались только для регулирования межгосударственных отношений. Например, Усенко Е.Т. считает, что «не все нормы международного права по своему существу — как регуляторы межгосударственных отношений — могут найти место во внутригосударственном праве..., поскольку должны регулировать отношения иного рода», так же как «не каждый международный договор может стать источником внутригосударственного права вопреки его национальному закону» [17, 13—14].

Актуальным на сегодняшний день является вопрос о том, какие принципы международного права могут применяться судами общей юрисдикции при разрешении спорных вопросов. В юридической литературе тематика основополагающих принципов исследована достаточно подробно, однако только применительно к межгосударственным отношениям, но не к тем спорам, которые рассматриваются судами общей юрисдикции. Проблема заключается в том, что принципы, изначально адресованные государствам, должны применяться в отношении физических и юридических лиц. В свою очередь, в теории международного права возникает вопрос о возможности признания физических лиц субъектами международно—правовых отношений. В рамках тематики данной статьи достаточно отметить, что по данной проблеме в основном оформилось два направления — «отрицательное» и «компромиссное». Наше внимание обращает на себя тот факт, что «признание или непризнание физического лица субъектом международного права имеет важнейшее значение для формирования и

применения основополагающих принципов международного права» [8,19].

В.И. Корнев справедливо отмечает, что физическое лицо, будучи субъектом правоотношений и обладая совокупностью субъективных прав и юридических обязанностей, способствует формированию основополагающих принципов внутригосударственного и международного права, т. е. создание основополагающих принципов не является исключительной компетенцией государства и государственных органов [8, 20]. В то же время Конституция РФ, а вслед за нею и Закон о международных договорах, обязав государственные органы следовать этим принципам и нормам, обеспечили правовую, конституционную гарантию соблюдения общепризнанных принципов и норм. Пленум подчеркнул, что Россия, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, тем самым выражает свою приверженность прежде всего таким основополагающим принципам международного права, как принципу добросовестного выполнения международных обязательств и принципу всеобщего уважения прав человека [12]. Существует мнение о позитивной оценке конституционного положения о включении общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров во внутригосударственное право России, что подчеркивает исторически значимый характер подобных изменений в правовой системе России, влияющий на иерархию правовых актов и, следовательно, на нормативное содержание правовой системы [15, 9]. Данные дискуссионные вопросы, как и выявленные выше в статье, требуют дальнейшего рассмотрения и анализа в целях совершенствования правоприменения.

Литература:

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969. Ч. 3 Ст. 27. Международное право в документах. М.,1982. с.10.
2. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969. Ч.1 Ст.2.Международное право в документах. М.,1982. с.10.
3. Вилкова Н. Гражданский кодекс РФ и практика Международного коммерческого арбитражно-

- го суда при Торгово—промышленной палате РФ // Хозяйство и право. № 3, 2003. С.23-30.
4. Гетьман—Павлова И.В. Международное право как регулятор современных международных отношений. М., 2004. 400 с.
 5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20, Ст. 2143.
 6. Источники международного частного права: современные тенденции в развитии // Государство и право. 2009. № 12. С.52—63.
 7. Конституция РФ 1993: офиц. текст. М.: Дашков и К, 2005. 40 с.
 8. Корнев В.И. Основополагающие принципы международного и внутригосударственного права. // Российское правосудие. 2010. №12 (56). С. 19.
 9. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М.,1997. 279 с.; Талалаев А.Н. О термине «не вступившие в силу международные договоры РФ» // Московский журнал международного права.1997. № 3. С. 30.
 10. Международное право. под ред. Тункина Г.И., М., 1994. 512 с.
 11. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. 408 с.
 12. Постановление № 5 пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. «О применении судами об-щей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. декабрь 2003.
 13. Применение судами общепризнанных принципов международного права и международных договоров РФ при осуществлении гражданского и уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2007. № 6 (14).
 14. Саваськов П.В. Российское законодательство и международное право: проблемы взаимодействия и имплементации. М., 2004. С.87.
 15. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция РФ // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 9.
 16. Талалаев А.Н. О термине «не вступившие в силу международные договоры РФ» // Московский журнал международного права.1997. № 3. С.30.
 17. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С.13-14.
 18. Федеральный закон о международных договорах РФ от 16.07.1995. Собрание законодательства РФ, 1995. № 29.
-